

*Раубриттер — слово, появившееся
в немецких рыцарских романах XVIII века.*

*Обозначает рыцаря, участвующего
в нападениях на купцов и путешественников.*

Иначе — рыцарь-разбойник.

ГЛАВА 1

Пошли быстро. Волков подумал и повел людей не на юго-запад, в Мален, а на юг, в столицу Фринланда город Эвельрат. Прежде чем начинать заваруху, кавалер хотел знать, куда ему при необходимости бежать. Он вез письмо для капитана фон Финка, с которым хотел познакомиться поближе. Заодно Волков собирался посмотреть людишек, что набрали ему Хилли и Вилли в Ланне.

На вид людишки были дрянь, пятьдесят два оборванца — голытьба и сволочь, худые да оборванные, кто-то даже без башмаков. Ну, хоть старых не было, и то хорошо. Шли фактически за хлеб, большего он им и не судил, так они тешили себя мечтами, что получится пограбить всласть. Об этом они говорили во время маршей, кавалер сам слышал. Эти разговоры он не пресекал, это были хорошие разговоры. Вечная мечта любого солдата — как следует пограбить. Без нее солдат и жить не может. Содержание, конечно, штука нужная, но кроме хлеба и жалованья у человека, что играет со смертью, должна быть мечта.

Людишек Волков не жалел, сразу пошел бодро. Переходы делал большие, а привалы маленькие. И на привалах валяться не давал. Как только вставали на отдых и перекус, так Роха гнал людей к телегам. Там брали мушкеты, аркебузы, арбалеты и принимались стрелять в деревья, пни и в камни. Ни пороха, ни пуль кавалер велел не жалеть. Уже к вечеру первого дня веселья у бродяг из Ланна поубавилось, начали они понимать, что солдатский хлеб нелегок.

Волков усмехался, видя их кислые морды, когда Роха после нелегкого дня пути заставил их ставить у дороги настоящий военный ла-

герь. Ничего, пусть привыкают. Зато кормили их от души. Порции гороха с толченым салом и чесноком, фасоли с солониной Роха давал им хорошие. И пиво выдавали, и хлеб, даже по куску сыра каждому. Но насчет караулов был немилосерден. Караулы ночью несли как положено, а Хилли и Вилли дежурили и проверяли людей, чтобы те не спали.

После первой же ночи как по рассвету и росе принялись людей поднимать, так двоих и недосчитались. Ушли. Роха задал трепку Хилли и Вилли, как, мол, у них караулы стояли, как стражу несли, если людишки из лагеря сбежали? Хилли и Вилли сами этого не понимали. Стояли, насупившись, даже не оправдывались. Волков в эту учебу не лез.

Ротмистром у людей Роха, пусть он выговаривает. Беглых ловить не стали. Черт с ними, но после утренней стрельбы кавалер велел построить отряд и сказал:

— Этих двоих ловить не буду, но вам скажу, что коли тяжело вчера показалось, так сейчас уходите. Дальше еще тяжелее станет. Те, кто слаб да ленив, пусть ищут себе другой судьбы. Солдатский хлеб слабым и ленивым не придется по нраву.

Послушали его люди и пошли есть горох с салом. Никто не ушел, но Волков знал, что убегут еще людишки. Не может так быть, чтобы из пятидесяти двух новобранцев пятьдесят осталось. Никогда так не случалось на его памяти. Ну, если не считать гвардию. Оттуда никто не бежал вовсе.

Ему подали завтрак на перевернутой бочке рядом с обозными телегами. Зажарили тощую, старую курицу, что купили у местного мужика. Максимилиан принес из телеги вино и серебряный стакан. Брат Семион был тут же со своим стаканом, сел скромненько рядом на мешок, ел хлеб солдатский, запивал вином. Волков нехотя жевал эту жесткую птицу, думал. А надумав, позвал Роху. Когда Роха по прозвищу Скарафаджо — «таракан» — пришел, то сразу сел на землю рядом с кавалером, стоять на своей деревяшке он не любил.

— Думаю, Хилли и Вилли чином сержанта жаловать, — сказал Волков.

— Их? — Не поверил Роха. — Да помидуй бог, какие из них сержанты? Сопляки. Куда им в сержанты?

— У них по две кампании уже за плечами.

— Вот именно, что по две, а нужно, чтобы по десять было.

— И где ты возьмешь таких, у которых по десять кампаний? Такие только у императора или короля жалованье получают. Я королевского жалованья платить не смогу.

— Они не знают строя, не знают шага, не знают команд и барабанов. Какие из них сержанты?

— На кой черт им шаги и барабаны? Они стрелки, они не будут ходить в строю. Им главное — стрелять и бегать.

Роха не нашелся что сказать. Задумался.

Тут в их беседу влез и монах:

— «Так дайте молодым повод дерзать, и удивитесь вы дерзновениям их».

— Кто это сказал? — спросил Волков.

— Не помню, из прашуров кто-то, — ответил монах.

— Слышал? — обернулся кавалер к Рохе. — Доверься молодым. Может, и будет толк.

— А может, ты и прав, — вдруг согласился Роха. — Дадим чин, а жалованье оставим солдатское. Но пообещаем сержантскую порцию в добыче, так они носом землю рыть будут.

— Уж расстараются, — заверил брат Семион. — Самые яростные в вере — это те молодые братья, что первый раз на приход поставлены. Уж более старательных в богослужении отцов и не бывает.

— Правильно, ты прав, поп, — сказал Волков. — Максимилиан! — Юноша тут же пришел. — Там, в подарках архиепископа, есть ткань, такая же, из которой пошит мой фальтрок. Отрежь от материала две банды — ленты в ладонь шириной.

— Да, кавалер.

Волков еще не доел свою старую курицу, когда Максимилиан вернулся с лентами.

— Такие банды нужны?

Волков взял ленты, осмотрел их, кивнул и сказал Рохе:

— Строй людей.

Вскоре все люди оказались построены в четыре ряда. Хилли и Вилли стояли в первом ряду. Они единственные среди этого

сброда походили на солдат. И доспех у них был, захваченный еще в арсенале Ференбурга, и оружие было.

Все замерли и ждали. Волков возложил дело на Роху, а помогал тому важный Сыч. Сам кавалер сидел на бочке, вытянув больную ногу, за ним стоял Максимилиан с новым и роскошным штандартом, который подарил архиепископ.

— Хельмут и Вильгельм из Ланна, выходите ко мне! — командовал Роха.

Юноши переглянулись удивленно и, придерживая тесаки на поясе, почти бегом двинулись к Рохе. Остановились около него, все еще не понимая, что тут происходит.

— Шапки долой!

Молодые люди сняли шлемы, стянули подшлемники.

— Рыцарь Божий и хранитель веры Иероним Фолькоф по прозвищу Инквизитор...

— И господин Эшбахта, — добавил Сыч.

— Да, и господин Эшбахта, — продолжил Роха, — жалует вам обоим сержантский чин.

Оба юноши открыли рты от удивления.

— Вильгельм из Ланна, подойди ко мне! — продолжал Роха.

Вилли тут же подошел к Скарафаджо, тот повязал ему на левую руку выше локтя банду.

— Хельмут из Ланна, подойди ко мне! — командовал Роха дальше.

Хилли вышел, сразу протягивая Рохе руку. Роха повязал ленту и ему.

— От имени кавалера Фолькофа, господина Эшбахта, я присваиваю обоим чин сержанта. И будете вы сержантами среди стрелков в роте моей! — громко проговорил Скарафаджо. — Я вот что вам скажу, — добавил он уже тише. — Не вздумайте опозорить меня и мою роту перед кавалером. Иначе вы и до первого дела у меня не доживете, я сам вас прикончу. Идите, благодарите кавалера.

Хилли и Вилли пошли кланяться Волкову. Тот им кивнул и без особой теплоты сказал:

— Вы не радуйтесь сильно, возможно, что звания ваши преждевременны. Жалованье у вас пока будет солдатское, а вот из до-

бычи вы смеете просить порцию сержантскую. Кто-нибудь из вас грамотен? — Молодые люди переглянулись, и, глядя на их дурные физиономии, кавалер понял, что грамоте они не учены. — Писать, читать и считать чтобы выучились, — без всякой мягкости распорядился Волков.

— Писать? — скорчил жалобную физиономию Вилли и опять глянул на друга.

— Нет в учении печали, — сказал брат Семион. — Я вас выучу, добрые отроки. Не хуже других будете.

Новоиспеченные сержанты глянули на святого отца, как голодные собаки смотрят на доброго человека, что отламывает им хлеб.

— Не спускайте с этого сброда глаз. — Волков указал на людей, что все еще стояли в строю. — Мне нужно, чтобы они научились стрелять быстро и метко. Нужно, чтобы они научились быстро перезаряжать оружие, выходить на позицию и уходить с нее. Нужно, чтобы они стали солдатами.

— Господин, мы все... — начал Вилли.

Но кавалер жестом прервал его. Встал и пошел, хромая, к людям:

— Еще раз говорю тем, кто слаб и думает уйти: уходите сейчас.

Люди стали переглядываться, некоторые наклонялись, чтобы видеть весь ряд, может, кто из ряда выйдет, но никто не вышел.

Нет, эти мерзавцы хотели делить добычу. Они еще не понимали, куда попали.

— Хорошо, — сказал кавалер, когда никто из строя так и не вышел.

Он еще раз осмотрел этих людей и ни на секунду не усомнился, что кто-то из них еще сбежит.

Они шли на юг, еще утром вошли в землю Фринланд. Ничем эта земля не отличалась от земли Ланн, только дороги здесь были хуже. Городов тут больших не имелось, вокруг поля да пастбища, даже столица Фринланда, Эвельрат, и та была, кажется, невелика, не чета ни Малену, ни Вильбургу, ни Ланну.

Шли хорошим солдатским шагом. Волков не хотел давать поблажки, но вскоре Роха подъехал к нему и сказал, что людишки устали.

— Привал? — удивился кавалер. — Мы только пошли.

— Они к такому шагу непривычны. Горожане, лентяи. Были бы мужики, то шли бы и дальше, а эти уже едва плетутся, — пояснял Скарафаджо.

— Ни доспеха не несут, ни оружия, ни провианта, но уже на второй день марша едва плетутся?

Игнасио развел руками, однако он оказался прав. Почти тут же к кавалеру подошел Вилли и сказал:

— Господин, у нас один не может идти.

Волков повернул коня и увидел одного из людей полулежащего на обочине дороги. Кавалер подъехал к нему:

— Ну, что с тобой?

— Господин... — вздыхал бледный как полотно человек. — Не могу больше идти.

После каждого слова он вздыхал и держался за бок.

— Сыч! — крикнул Волков. — Дай ему кусок хлеба, и пусть идет куда хочет.

Но и это было еще не всё. До полудня двое просили разрешения уйти, у обоих ноги оказались сбиты в кровь, в мясо. Башмаки были у них совсем никудышные. Сыч выдал и этим хлеба. Когда по полудню стали на привал, людишек оставалось всего сорок семь.

Но даже на привале им не позволили валяться. Новые сержанты часть людей отправили на сбор дров и готовку еды, а остальные пошли учиться стрелять.

На третий день, когда до Эвельрата оставалась пара часов пути, еще один отказался идти. Сказал, что больше не может. Кусок хлеба — и катись к черту. Остальные ныли, что угробили свою обувь, но шли. Уставали, но на каждом привале и на ночевке успевали пострелять, бодро расстреливая и пули, и порох. Стреляли они все еще не очень хорошо, но Волков замечал, что в руках у них уже появилась снаровка. Люди учились быстро заряжать мушкеты и аркебузы.

ГЛАВА 2

Ронечно, стража и близко не подпустила его банду к воротам города. К ним даже приходил офицер стражи спросить, кто и зачем шастает под стенами. Но, поговорив с кавалером и узнав, что у того есть письмо к капитану фон Финку от самого архиепископа, успокоился и был не против того, чтобы отряд расположился у западных ворот.

Волков оставил Роху в лагере за старшего и, взяв Сыча, Максимилиана и брата Семиона, поехал в город. И с капитаном поговорить, и купить всякого нужного, да и поесть нормальной еды, не солдатского гороха и старых куриц, а пищи тонкой, к которой он уже, признаться, стал привыкать.

Капитан был мужчина суровый, многоопытный и грузный, с седыми висками и усами, учтивостью он посетителей не баловал, даже если у тех имелись письма от его сеньора. Он указал кавалеру на стул и что-то буркнул в виде приветствия. Фон Финк прочитал письмо раз, поглядел на Волкова, прочитал второй, опять поглядел на Волкова и прочитал письмо третий раз, только после этого спросил:

— Так вы думаете грабить купчишек из нашей земли, которые будут по реке Марте вокруг ваших владений плавать?

— А как написано в письме? — сухо осведомился кавалер.

Фон Финк не ответил, он, кажется, еще раз собирался читать письмо. А Волкову это уже надоело, он устал с дороги и хотел есть:

— Вы если что-то желаете уточнить, так пишите архиепископу. Все это дело не моя придумка, я лишь волю Матери Церкви исполняю.

Капитан смерил гостя тяжелым взглядом, видно было, что вся эта затея ему не по душе. Но он являлся солдатом, поэтому просто сказал:

— У меня двести человек, сказано, чтобы я по мере сил поддержал вас и, коли надобность возникнет, послал к вам людей с железом под знамя ваше.

— Так могу я рассчитывать на ваших людей?

— Можете, но люди мои хороши, я их берегу.

— Я тоже берегу своих людей, без нужды ваших не попрошу.

— Еще в письме сказано, что если вы искать убежища будете, то не выдавать вас никому, кто бы ни просил, даже под угрозой войны. — Он, конечно, хотел знать, что все это значит, но спрашивать не решался и продолжал: — Можете на прибежище рассчитывать. — Волков кивнул. — Еще в письме сказано, что вы будете обижать купцов — так защиты нашим купцам от вас не давать. — Волков опять кивнул. — Как же так? Отчего так? — не понимал капитан. Этим непониманием и вопросами он уже начинал раздражать кавалера.

— В письме сказано, я вам говорить не должен. Коли знать хотите, так пишите архиепископу, — ответил Волков.

Видно, другого ответа капитан и не ожидал, сказал только:

— Об одном попрошу: купчишек наших обирайте без крови и лютости, последнего не берите. Купчишки наши с городскими нобильями в родствах состоят, с земельными сеньорами в близкой дружбе, как бы они не собрались вам отпор дать и без меня.

— Хорошо, — согласился Волков. — Все будет по-божески.

Больше говорить было не о чем, на том и расстались. И ушел от капитана Волков, не очень на того надеясь, уж больно не нравилась фон Финку затея архиепископа. Капитан этого и не скрывал.

Волков с сопровождающими нашли первый попавшийся кабак, который можно было считать более или менее приличным, расположились там и заказали еду. Потом он помылся, Сыч помог, и лег спать.

Тут, в Эвельрате, кавалер решил приобрести то, что ему требовалось. С утра он походил по лавкам и понял, что цены здесь

не выше, чем в Малене, поэтому и начал покупать. Хоть и жалко было ему денег, но эти покупки являлись необходимыми. Начал с башмаков и сапог. Его люди были действительно плохо обуты, да и одеты скверно. А для того, чтобы хорошо ходить, нужна обувь. Он стал скупать всё, что можно было купить по бросовой цене: старые башмаки, латанные сапоги. Сапожники и старьевщики, прознав про то, тащили ему все старье, все заплатанное и все дурно сделанное.

Затем и одежду ему понесли. Сыч и монах помогали Волкову, брали только крепкую. Панталоны, штаны, куртки, рубахи, чулки и носки — все-все-все. Все, что зависелось, все, что криво сшито, лишь бы было крепкое и дешевое. Пришлось послать Максимилиана за телегой, так много всякого хлама нанесли ему горожане.

А затем кавалер прошелся и по мастерским. Брал у мастеров стеганки и куртки из плотного войлока — лучшую одежду для стрелка. Купил и шлемов двенадцать штук. Кое-где кривые, а какие и ржавые. Ничего, выпрямят и почистят. Как в деле окажутся, так и кривому шлему рады будут. Брал и железо, всякую рухлядь, тесаки без ножен да кривые ножи, те, что побольше. Набрал всего целый воз с верхом. А заплатил всего двенадцать монет серебра и посчитал, что вышла хорошая торговля.

Так за делом торговым весь день и пролетел, не заметил Волков, как проголодался.

Следующим утром, на заре, он с приодетым человеком пошел на запад, к Лейденицу, что стоял на реке Марте.

Лейдениц не являлся в полной мере городом, хотя и церкви в нем имелись, и ратуша, но не было стен. Да и сам мал был. Стоял он на реке Марте, и на пристанях его ютились несколько барж да дюжина лодок. Река тут значительно сужалась: всего тридцать шагов — мальчишка камнем перекинет. А за рекой лежал его Эшбахт. Да, Волков уже привык считать Эшбахт своим, ехал он туда как домой. Скорее всего, через несколько месяцев ему придется оттуда бежать, возвращаться сюда, в этот убогий Лейдениц, но кавалер пока об этом не думал.